

тян, ни для драгун, набираемых из их состава, не представлял интереса.

Чувство гражданственности, стремление к укреплению российской государственности были совершенно чужды сознанию низов. Крепостничества в том виде, как оно существовало в помещичьем центре, в Сибири еще не было. Но своим анархическим поведением, желанием сиюминутной выгоды масса, не осознавая того, готовила для себя в перспективе судьбу крепостных земледельцев. Спас их от нее «российский абсолютизм» в лице Петра Великого и его ближайших преемников, которые строили общество в соответствии с социальной природой государственности, характерной для перехода от феодализма к капитализму [14, с. 40–56].

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамсик Т.С. Верхний Иртыш и Среднее Приобье в свете политических конфликтов Петровской эпохи // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3, вып. 2.
2. Голикова Н.Б. Восстание крестьян ишимских слобод // Ишим далекий и близкий. Ишим: НГПИ им. П.П. Ершова, 1997. (Переиздание статьи 1963 г.: Голикова Н.Б. Восстание крестьян ишимских слобод в 1714 году (Из истории классовой борьбы сибирских крестьян) // Вестник МГУ. 1963. Сер. IX. Вып. 3).
3. Записки капитана Иоганна Фридриха Страленберга по истории и географии Российской империи Петра Великого. Северная и восточная часть Европы и Азии. М.; Л. 1985. Ч. 1.
4. Из истории Омска (1716-1917): очерки, документы, материалы // сост. Е.Н. Евсеев, М.А. Плетнева, О.К. Сосненко. Омск, 1967.
5. Евсеев Е.Н. Экспедиция И.Д. Бухолца и основание Омской крепости // Города Сибири. Новосибирск, 1974.
6. Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: структура и состав государственного аппарата. Новосибирск, 2003.
7. Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996.
8. Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730–1740-х годов (по анкетам В.Н. Татищева): сб. док. / сост. В.Б. Бородаев, А.В. Контев. СПб., 2010.
9. Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968.
10. Словоцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995.
11. Андриевич В.К. История Сибири. Ч. II. / сост. по данным ПСЗ и актов Петровского времени. СПб., 1889.
12. Мамсик Т.С. Староверы Каргополовы и их окружение. Из истории ишимского старообрядчества // Коркина слобода. Краеведческий альманах. Ишим, 2005. Вып. 7.
13. Курилов В.Н., Мамсик Т.С. Ишимские старообрядцы в официальной статистике 1840-х гг. // Коркина слобода. Краеведческий альманах. Ишим, 2010. Вып. 11.
14. Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII–XX вв. Новосибирск, 2009.

Статья поступила
в редакцию 17.12.2012

УДК 94(47)

И.П. КАМЕНЕЦКИЙ

СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ КУПЦА А. ВЕРХОТУРОВА: К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ РУССКОЙ РАЗВЕДКИ В ДЖУНГАРИИ В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: kameneckiiwan@mail.ru

В статье показано участие сибирских купцов в ведении разведки в Джунгарии. Благодаря деятельности А. Верхотурова и других тайных агентов русские власти получали необходимые сведения о внутреннем и внешнем положении кочевой империи, позволявшие России обеспечивать безопасность своих рубежей и укреплять имперское присутствие во Внутренней Азии.

Ключевые слова: Россия, Джунгария, «зенгорские обращения», русская разведка, сибирские купцы, А. Верхотуров.

Смерть джунгарского правителя Галдан-Цэрена в 1745 г. породила острую борьбу ойратских правителей за ханский престол и привела к обострению отношений с Россией. Новый правитель Цэван-Дорджи, пытаясь укрепить свое непрочное положение среди многих претендентов на власть, занял враждебную позицию по отношению к российским властям. Она проявилась в новых территориальных претензи-

ях к России, сборе ясака с неподвластных джунгарам народам, угрозе Кольвано-Воскресенским заводам, перешедшим вскоре в собственность ее и.в., разрыве посольских и торговых связей с Россией и других недружественных акциях.

Весной и летом 1744 г. из Джунгарии в Сибирь стали поступать сведения о подготовке ойратами нападения на линейные крепости и Кольвано-Воскре-

сенские заводы, а также о военной угрозе самому ханству со стороны Китая, сосредоточившего большое количество войск на востоке страны [1, с. 114–115]. В этих условиях правительство России вынуждено было принять ряд превентивных мер по укреплению своих рубежей в Южной Сибири. Важнейшими из них стали перевод на Сибирские линии двух пехотных и трех кавалерийских полков и возведение на границе новых укрепленных пунктов.

Помимо указанных мер Военная коллегия и Коллегия иностранных дел (КИД) потребовали от сибирской администрации осуществлять постоянный контроль за «зенгорскими обращениями», сообщать в Петербург о всех изменениях во внутренней жизни и внешней политике беспокойного восточного соседа. 21 сентября 1744 г. в Сибирскую канцелярию был направлен секретный указ Сената и КИД о необходимости расширения агентурной разведывательной сети и направления в «зенгорские владения не только шпионов, но и от командующих надежных людей под протектвом каких пограничных нужд посылать»¹.

Новый указ от 29 сентября этого же года, исходящий от КИД, конкретизируя поставленную задачу, предписывал: «для наилучшего о неприятельских намерениях и действиях известия к зенгорским калмыкам получать под образом купечества достойных и верных людей и с ними посылать казенных товаров в год не более как до тысячи рублей на мену и продажу и при том о намерениях их разведать весьма скрытным образом»².

Помимо внешних сношений и намерений контайши в отношении России и других государств КИД интересовало внутреннее положение страны: состояние вооруженных сил, наличие военных заводов, месторождений руд и другие вопросы, характеризующие военно-стратегический потенциал Джунгарии, от которого зависела безопасность империи на южносибирском фронте. Особое внимание в указе обращалось на выявление в «зенгорской земле» русских военнопленных, купцов, мастеровых и других «верноподданных», причин их нахождения и возможности возвращения на родину.

Указ содержал также подробную инструкцию о мерах по сохранению конфиденциальности при сборе необходимой информации. Разведчики должны были выступать за пределами России в качестве частных лиц, в роли купцов «со своими товарами», «нигде не упоминать Ее Императорского Величества ни губернаторского имени», чтобы не вызывать к себе подозрения, в качестве вознаграждения информаторам рекомендовалось «чинить только малые подарки». Сибирской канцелярии предписывалось вербовать в разведчики проверенных, благонадежных лиц, согласовывать их кандидатуры с руководством военных линий, которое,

в свою очередь, было призвано оказывать секретным агентам «всяческое вспоможение»³.

Исходя из этих указаний, Тобольск предпринял необходимые шаги по укреплению агентурной сети в Джунгарии с целью ведения в ней постоянной оперативной разведки. Чиновниками канцелярии было представлено несколько кандидатур из купцов, ведущих там постоянную торговлю. Среди них были томский и соликамский купцы Алексей Верхотуров и Степан Колмогоров, тарские жители Герасим Зенков и бухарец Алим Шихов. Выбор указанных лиц был не случайным. Все они знали «калмыцкий» язык и местные обычаи, завели знакомства среди ойратских должностных лиц и русских купцов, находившихся в Джунгарии.

Среди них заметно выделялась фигура А. Верхотурова, имевшего уже опыт агентурной деятельности. Во время пребывания в «зенгорской земле» с 1739 по 1745 г. он проявил себя как ценный информатор русских посланников, находившихся там с разными миссиями [2, с. 66–67]. Так, 3 декабря 1745 г. он сообщил поручику Облязову сведения о нахождении в «калмацкой земле» большого количества русских пленников и беглых людей, значительная часть которых содержалась в г. Аксе; их выдачи постоянно добивалось русское правительство. Купец показал, что в период посольства майора Л. Угримова, сумевшего вывести в Россию большую партию военнопленных, значительная часть оставшихся была «выгнана» в урочище Камень Тарбагатая и тем самым укрыта от взора русских официальных лиц [3, с. 58].

Верхотуров также известил русскую администрацию об имеющейся в «зенгорской земле» значительной группе русских купцов (33 чел.), длительное время проживавших там «своими домами» и не стремившихся вернуться в Россию. При возвращении из Джунгарии купец сообщил русским пограничным властям в Убинской заставе о преждевременной смерти джунгарского правителя и наследовании престола его младшим сыном, враждебно настроенным к России⁴.

Его кандидатуру в качестве «непатентованного» разведчика поддержали чиновники Тобольской канцелярии: коллежский асессор С. Бобрищев, канцеляристы П. Комаров, И. Свизев, а также посадский Т. Битков и томский сын боярский В. Панов, давшие ему «одобрение за руками». Все они указали, что Верхотуров – «во всем человек доброго состояния, не подозрителен и не пьяница, и в порученных делах ему верить можно» и «о тамошних обращениях он довольно сведом»⁵. Очевидно, такие же доверительные характеристики получили указанные выше купцы, которые также были рекомендованы для ведения разведки в Джунгарии.

После согласования их кандидатур с командующим Сибирских линий генерал-майором Х.Х. Киндер-

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1607. Л. 336. По словам Моисеева, «благодаря хорошо налаженной агентуре и сведениям, доставляемым перебежчиками, в Пекине были неплохо осведомлены о перепитиях междоусобной войны в Джунгарии» [1, с. 59–60].

² Там же. Л. 336.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 179 об., 334.

⁵ Там же. Л. 339 об., 448 об.

маном и получения необходимых инструкций Верхотуров и другие тайные посланники стали готовиться к выполнению возложенных на них миссий. В частности, Верхотуров получил от канцелярии «для мены и продажи и для подарков» казенных товаров на 500 руб. Помимо этого ему было выдано из тобольской рендереи на «окладные и путевые расходы» товаров на 600 руб. и для покупки «мелочных» товаров 81 р. 43 к., а также подорожные прогонные деньги – 55 р. 81 к. Таким образом, всего было выделено на разведывательные цели 1 237 р. 24 к., и эта сумма была даже выше предписанной, но не являлась безвозвратной. Уже в начале 1749 г. вместе с первым донесением о «зенгорских делах» Верхотуров выслал из Джунгарии с сержантом Е. Филимоновым в Тобольск 1 080 серебряных руней и вексель на 70 руб., вымененные им на казенные товары⁶.

В помощь ему был назначен опытный переводчик калмыцкого языка Ф. Девятиеровский, который также не раз бывал в Джунгарии и выполнял подобные поручения. Известно, что в августе 1732 г. им было послано из Урги донесение в Тобольск, где сообщалось о концентрации на юго-восточной границе Джунгарии в урочище Модан-Цаган-куль китайской армии из 100 тыс. чел. и строительстве там «немалой» крепости [4, с. 243].

После получения ордера и письма к джунгарскому владельцу от командующего линией в сопровождении небольшого конвоя и наемных работников 19 августа 1748 г. Верхотуров с Девятиеровским отправились в путь и через полтора месяца достигли Урги – главной ставки контайши

В Джунгарии купцы-разведчики находились в течение двух лет. Длительное пребывание там Верхотуров объяснял тем, что его долго не выпускали в Россию местные власти, а его обращение к контайше было оставлено без внимания. Но «задержание» Верхотурова у «зенгорцев», очевидно, было связано и с тем, что в их городах находилось немало его должников, с которых, по его словам, он безуспешно пытался взыскать долги.

В своем рапорте, представленном в губернскую канцелярию, Верхотуров подробно изложил полученные им сведения о различных сторонах жизни Джунгарии с указанием источников получения информации, а также включил собственные наблюдения. Его агентами-осведомителями были томский купец татарин Тропан Пьянков, беглый мастеровой Колыванского завода Иван Михайлов, военнопленный Семен Трошкин, купец Стефан Малков, сибирские бухарцы и другие лица⁷. Очевидно, исходя из интересов собственной безопасности и достоверности информации, а также, возможно, и меркантильных соображений, Верхотуров предпочитал пользоваться больше данными своих соотечественников, чем ойратов, особенно тогда, когда речь шла о сведениях военного характера.

В начале своего донесения купец-разведчик общал о рисках и трудностях, с которыми он и его помощник столкнулись в Джунгарии. Посланный им в Кашгар для сбора сведений под видом торговли Девятиеровский подвергся нападению, был ограблен и ранен в голову. И хотя грабители были схвачены и приведены в Ургу, тяжба с ними в суде (зарге) оказалась длительной и безрезультатной⁸.

Значительное место в его отчете заняли сведения о функционировании военных заводов и разработке месторождений цветных и драгоценных металлов, которые всегда интересовали русские власти. Данные о них Верхотуров получил от указанного выше мастерового И. Михайлова, работавшего на одном из заводов. Последний сообщил ему об упадке оружейного производства, созданного еще искусным шведом Ренатом, на оз. Тескел. По свидетельству Михайлова, после освобождения и отъезда знаменитого мастера на родину производство «больших пушек» было возложено на него и Е. Вяземского, имевшего характерное прозвище Билдяга. Однако они, будучи лояльно настроенными к России, при контрольной стрельбе из пушек «заправу делали нарочно от казны с вершок», отчего «бросало эту пушку сажени на три», что делало их непригодными для использования в военных целях. В связи с этим литье больших орудий было прекращено, а их мастера задействованы в другом производстве – добыче меди и серебра.

Михайлов также указал на богатство местных рудных месторождений, особенно меди, которой, по его словам, столько, что «ежели сделать четыре печки, то де со всей России столько не выплавят», а также об имеющихся в Джунгарии серебряных рудниках «во многих местах», плавильных заводах на р. Или и в Яркенде и находках самородного золота. Но вследствие низкой эффективности работы добывающих предприятий, их «малой прибыли» производство серебра было остановлено, а его мастера оказались не у дел⁹.

Эти, уже известные в Тобольске сведения, подтверждали и уточняли донесения прежних русских информаторов. Еще до поездки Верхотурова бухарец Айтбачи Бахмуратов сообщил в Сибирскую канцелярию об упадке местного промышленного производства. По его словам, «заводы медные и серебряные, которые де были при ГалданЧирине ныне де брошены ибо де прибыли нет, а труда весьма много было». Он же сообщил о введении ограничений цинского правительства в торговле с Джунгарией с целью ее ослабления и подготовке Китая к «большой» войне [5, с. 103]¹⁰.

Согласно донесению другого купца-разведчика – С. Колмогорова, действующего самостоятельно в Джунгарии в этот период, одной из причин упадка

⁸ Там же. Л. 446–446 об. Этот эпизод может свидетельствовать как о широких торговых связях Верхотурова в Джунгарии, так и правовом положении русских купцов за границей, интересы которых не всегда защищали местные власти.

⁹ Там же. Л. 451–451 об.

¹⁰ Там же. Л. 174. «За разведывание и показание об обращении зенгорского владельца Галдан Черена» ему было выдано по указанию КИД в Сибирской канцелярии 30 руб.

⁶ Там же. Л. 448–448 об.

⁷ Там же. Л. 446–446 об.

литейного дела было отсутствие опытных мастеров, способных «разделить» серебро из медных руд. Эту задачу пытался осуществить русский мастер оружейник Билдяга, личность которого давно интересовала русские власти. По словам Колмогорова, Ефим Вяземской (Билдяга) был посадским г. Хлынова, оказался у ойратов при неизвестных обстоятельствах, «как в Зенгорию заехал он не ведает». После отъезда Рената он занял видное положение в Джунгарии, «производил серебряные и железные заводы», за что получал «большое жалование и великое почтение». На руководимые им заводы по указанию контайши поставлялось 2 тыс. людей из всех крупных городов – Яркенда, Аксу, Кашгара, Хостага и 3 тыс. быков для подвоза руды. Но выплавленное серебро оказалось «негодным», оно содержало много меди, отделить которую не позволяло низкое мастерство работников. Чтобы решить эту задачу, Билдяга пытался через калмыка Сундука подговорить бежать «для вспоможения» ему опытных плавильных мастеров с Кольванского завода, обещая им щедрое вознаграждение со стороны джунгарских властей. Но попытка вербовки и бегства русских мастеровых в Джунгарию не состоялась. О намерении бежать к контайше стало известно заводским властям, которые произвели аресты 11 чел., предотвратив тем самым их «тайный умысел». Отсутствие специалистов по выплавке качественного серебра привело к свертыванию производства, краху карьеры Билдяги и его помощников. По свидетельству Колмогорова, «с того времени ему Билдяге не только почтение, но и жалование давано не было, отчего они... с товарищем Иваном Михайловым Мальцовым и Андреем Ивановым шатаются между дворами и платье снимают»¹¹.

Таким образом, благодаря полученной информации русских разведчиков были подтверждены сведения о богатстве рудных месторождений во владениях контайши и опыте их разработок с помощью иностранных специалистов. Несмотря на неудачный исход экспедиции Бухгольца, правительство России, стремившееся расширить свою промышленную базу на юге Западной Сибири за счет ввода новых месторождений, проявляло к ним неослабевающий интерес.

В отчете Верхотурова были освещены и события внутривластной жизни, свидетелем которых он непосредственно являлся. Разведчик сообщил о возникшей нестабильности в Джунгарии, вызванной борьбой за власть между сторонниками и противниками нового правителя. По его словам, в мае 1750 г. оппозиционно настроенный зайсан Олдза оказал активное сопротивление при попытке его ареста, «в затылок стрелу всадил» стороннику контайши зайсану Контонгошу. Вместе с другими недовольными зайсанами ими было организовано свержение Цевана-Дорджи, который был сослан в Аксу, где его ослепили¹².

На продолжение междоусобных распри в Джунгарии указал и другой агент русской разведки – Г. Зен-

ков. Он сообщил о кровопролитном сражении между правителем Ламой Дорджи и претендентами на ханский престол Амурсаны и Даваца. Заложниками и невольными жертвами неудавшегося мятежа стали русские послы и торговцы: часть их была арестована, часть убита, товары разграблены [1, с. 134].

Свидетельством ослабления Джунгарии в этот период стали участвовавшие набеги киргиз-кайсаков вглубь зенгорских владений. В донесении Верхотурова имеются сведения об осаде Кашгара казахами в феврале 1749 г., которые «полонили» под городом «немалое число» жен и детей. Лишь благодаря военной помощи Цевана-Дорджи осада была снята, «киргиз всех прибили полон кашгарский отбили». Но в этом же месяце киргизам удалось захватить и угнать в плен 100 чел. и тысячу лошадей под г. Аксу¹³.

Его рапорт содержит также данные о военно-мобилизационных возможностях джунгарского общества, количестве в городах «плательщиков» и «неплательщиков», способных пополнить ойратскую армию. Так, согласно его сведениям, «в Эркене плательщиков алманских людей с 32 тыс., а неплательщиков и больше того, которые живут за главным хаджой и беками», в Аксу (Аваксе) и Кашгаре проживает соответственно 24 и 28 тыс., а неплательщиков, «как и в Эркене»¹⁴.

Верхотуров не обошел вниманием и частную жизнь джунгарских правителей, семейные нравы при дворе контайши. «Когда владелец стал посылать в ссылку сестру свою Улан Баир в Аксу, его две жены пытались заступиться за нее... то владелец на жен своих разгневался и отдал их придворным», при этом одна из них была выдана замуж за чашника, сестра – за кзылбашского хана¹⁵.

Разведывательная деятельность Верхотурова и других русских купцов не ограничивалась лишь джунгарскими делами. 21 сентября 1749 г. он узнал от прибывшего в Ургу посла Большой Бухары о смерти их хана и занятии престола младшим сыном. Это обстоятельство вызвало недовольство его старшего брата, претендовавшего на место правителя. Последний через посланника обратился к джунгарскому владельцу с просьбой оказать ему военную помощь в борьбе за ханство. Но направленный владетелем отряд во главе с зайсаном Найрджи Чирик не сумел войти в Ташкент и возвести на престол ставленника контайши. Жители заперли город и обратились к калмыкам: «Мы драться не хотим, а бека вашего к себе не примем, у нас десть свой бек». Чтобы снять осаду, ташкентцы использовали необычный, но, очевидно, испытанный прием. По свидетельству бухарского посла, они «привязали в воду воспенного человека и оттого калмыцкой силе великий урон был». Не достигнув поставленной цели, джунгары в отместку «разбили» ташкентский караван, который шел из Оренбурга, и вернулись обратно¹⁶.

¹³ Там же. Л. 449 об.–452 об.

¹⁴ Там же. Л. 450 об.–451.

¹⁵ Там же. Л. 451.

¹⁶ Там же. Л. 450–450 об.

¹¹ Там же. Л. 346, 376–377.

¹² Там же. Л. 453–454.

Другие известия «о ташкентских обращениях» Верхотуров получил через купца С. Малкова, находившегося там с торговлей. Купец информировал разведчика о том, что, по показаниям русского пленного казака в Ташкенте, там находится «с 300 российских пленными», захваченных «в степи» и проданных в рабство. Но переписать их не смог, так как «не учен грамоте». Он же сообщил Верхотурову, что в августе 1750 г. ташкентский правитель Парванаяк был осажден в находившейся в городе «крепостце» казахами. Но, сделав вылазку, люди Парванаяка прорвали блокаду и с помощью местного населения сумели разгромить их¹⁷.

В целом разведывательная деятельность А. Верхотурова и других российских агентов, находившихся в Джунгарии незадолго до ее гибели, в отличие от китайских лазутчиков, не носила подрывного диверсионного характера. Ее целью был сбор сведений о соседнем, некогда могущественном государстве, занимавшем важное геополитическое положение в Центрально-Азиатском регионе, которое, несмотря на соперничество с Россией в Южной Сибири и отдельные враждебные акции, продолжительное время являлось ее важным

стратегическим партнером и буфером в отношении с Китаем. Регулярно получаемая информация о состоянии дел в Джунгарии и сопредельных с ней государствах позволяла Российской империи оказывать влияние на международные отношения, складывающиеся в Центральной Азии, отстаивать свои интересы и отвечать на возникающие угрозы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Моисеев В.И.* Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке (очерк внешнеполитических отношений). Барнаул, 1998.
2. *Потанин Г.Н.* О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии // Чтения Общества истории древностей российских. М., 1868. Кн. 2.
3. *Каменецкий И.П.* Джунгарский пленник Иван Сорокин: из жизни сибирского дворянина // Из кузнецкой старины. Новокузнецк, 2012. Вып. 3.
4. *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. М., 1983.
5. *Гуревич Б.П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М., 1979.

*Статья поступила
в редакцию 31.01.2013*

УДК: 94(47).073

Е.В. КОМЛЕВА

СОВРЕМЕННОКИ О НАЧАЛЕ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (1830-е гг.)

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: feodal@history.nsc.ru

В статье на основе «Наблюдений за общим ходом частной золотопромышленности по Восточной Сибири» неизвестного автора, датированных 1837 г., рассматривается начальный период развития золотодобычи в Восточной Сибири. Анализируются взгляды современников на проблемы, которые новая отрасль ставила перед регионом.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, золотопромышленность, экономика, злоупотребления, моральные устои, ссыльнопоселенцы.

Обнаружение золота стало во многом переломным моментом в истории Сибири, так или иначе отразившимся на жизни большинства местного населения. Сами современники на начавшуюся золотодобычу смотрели по-разному: наряду с признанием потенциальной пользы новой отрасли промышленности для развития экономики региона известны и многочисленные негативные отзывы. Ведь именно в годы наибольшего подъема золотодобычи практически среди всех слоев общества, начиная от приисковых рабочих и заканчивая его верхами, расцвели такие пороки, как

пьянство и распущенность, а золото, в конечном счете, не принесло Сибири «ни процветания, ни благополучия» [1, с. 78].

К освещению золотой лихорадки обращались в своих публикациях непосредственные очевидцы событий: М.М. Карпинский [2], С.Ф. Соловьев [3], В.Д. Скарятин [4], М.Ф. Кривошапкин [5], Н.В. Латкин [6], И.С. Боголюбский [7], А.И. Баркова [8], А. Уманский [9], В.И. Семевский [10], А.И. Кытманов [11]. Одна из наиболее ранних работ, посвященных начальному периоду золотопромышленности, – это находящиеся в фонде Кузнецовской золотопромышленной компании Государственного архива Красноярского

¹⁷ Л. 454–454 об.